



## СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Безудержное радостное возбуждение...	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Операция «Серебряный дракон» .....	99
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Эти люди с Багамских островов .....	163
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Солнечный пояс .....	223

*Посвящается моему отцу,  
сыновьям Джеймс-Роберту и Жак-Эдуарду,  
дочерям Оливии и Джой,  
внучке Анне-Терезе,  
а также Аннабель*

Делать деньги —  
это тоже искусство,  
страсть, не связанная с предметом,  
постоянный поиск недостижимого...  
Это ироничный  
и сдержанно-отчаянный танец перед лицом Времени.

П.-А. СУЛИЦЕР

---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Безудержное радостное возбуждение...

---

# 1

Полагаю, что история эта началась двадцать третьего ноября примерно в одиннадцать тридцать утра в моем лондонском доме на Олд-Квин-стрит, прилегающей к Сент-Джеймскому парку. Почему бы и нет? Именно в тот день все и произошло. Быть может, не ровно в одиннадцать тридцать, а с одиннадцати тридцати и продолжалось в течение следующих пяти или шести часов.

Двадцать третьего ноября 1969 года около одиннадцати тридцати утра ко мне заявился полицейский из Скотланд-Ярда и уселся напротив. Все еще помню рисунок твидового пиджака, который был на нем в тот день. Лет сорока, с лицом рыжего шотландца и густой выющейся шевелюрой, разделенной слева прямым пробором и зачесанной на правую сторону в стиле Огилви или Уоттса. Он пристально смотрит на грузчиков.

— Вы выезжаете?

— Скорее выезжает мебель. У меня забирают все, что куплено в кредит. Не успел рассчитаться.

Телефонный звонок. Снимаю трубку, и это снова банк: они получили второй чек и считают такую ситуацию просто недопустимой. Они интересуются, что я намерен делать, когда смогу приехать к ним, желательно чем скорее, тем лучше, и знаю ли я вообще, что такое протест векселя в неплатеже? «Приехать к вам как можно скорее?.. Когда?.. Через час». Кладу трубку и снова чувствую на себе задумчивый взгляд карих глаз полицейского. Он, разумеется, все

слышал и догадался, кто мне звонит и по какой причине, но делал вид, что это его не касается.

— Вот что я предлагаю, — говорит он. — Хорошо бы вспомнить шаг за шагом, чем вы занимались той ночью. Разумеется, вы не обязаны этого делать. Но так мы сэкономим время и вы быстрее освободитесь.

Встаю, чувствуя тяжесть в ногах.

— Ладно, давайте начнем.

Грузчики хорошо потрудились, но все еще таскают мебель: они начали с третьего этажа, который успели полностью освободить, перешли на второй, очистив и его. Теперь они взялись за первый и выносят оттуда буквально все, даже рисунок, выполненный пером и тушью, с изображенным на нем домом в Сен-Тропе.

— Вам сколько лет?

— Двадцать один. Двадцать один год два месяца и две недели.

— Как давно вы арендуете этот дом?

— Два с половиной месяца.

— Ваша позавчерашняя вечеринка — первая в таком роде?

Я смотрю на рисунок, проплывающий мимо меня в руках грузчика.

Мы на лестничном пролете между первым и вторым этажом. Поднимаемся наверх. Оглядываюсь назад, чтобы в последний раз взглянуть на рисунок, но рабочий уже на улице у грузовика с мебелью.

— Не первая, но уж точно последняя.

— Вы что-то отмечали?

Я оборачиваюсь и смотрю на него в упор:

— Мое разорение.

Мы по-прежнему на лестнице, ведущей на второй этаж.

— Я находился внизу, в гостиной, — продолжаю я. — Видел, как она поднималась по лестнице. Как раз в этом месте она обернулась, взглянула на меня, махнула рукой и пошла дальше по ступенькам вверх.

— Ничего странного в выражении лица?

— Нет.

— Людей было много?

— Приглашенных — около пятидесяти человек. Пришло втрое больше. Настоящий дурдом.

— В котором часу это произошло?

— Где-то около трех ночи.

Мы уже на лестничной площадке второго этажа. Стоим. Я снова обращаюсь к нему:

— После того как она поднялась наверх, прошло минут тридцать или сорок. Все это время я оставался внизу. Хотел подняться к ней, однако пробиться сквозь толпу гостей было не так просто: все окликали меня, хотели поболтать и не отпускали.

— Но в конце концов вы поднялись наверх...

Мы на лестнице, ведущей на третий этаж.

— Да, поднялся.

Внезапная вспышка в памяти: все та же лестница (сейчас без ковровой дорожки она кажется голой) предстает заполненной возбужденной толпой, ордой, кучей людишек, цепляющихся за меня на ступеньках и кричащих вслед: «С разорением, Франц!» Это длится какую-то секунду, быть может, меньше. Сразу же после этого лестница снова становится такой, какая она есть на самом деле: безмолвно тихой и звеняще пустой.

— Откуда вы знали, что она на третьем этаже в этой части дома?

— Только у нее и у меня был ключ от спальни, которую я запер перед вечеринкой.

— Вы поссорились?

— Да нет, разве что самую малость.

— Знали ли вы, что она принимает наркотики?

Площадка третьего этажа.

— Знал.

Мы проходим через холл и приближаемся к открытой двери спальни, которая была заперта в ту ночь. Вторая

вспышка в памяти, и на сей раз к внезапно появившейся картинке добавляется звук: я переносусь на тридцать два часа назад и вижу себя перед этой же дверью, тщетно пытающимся ее отворить.

— А вы сами? Я о наркотиках.

— Нет, нет, никогда.

Я стою на пороге и никак не решаюсь переступить его. Просто не могу, чувствую, как скручивает живот и к горлу подступает ком.

— Открыть дверь я не смог, она заперла ее изнутри и оставила ключ в замке.

— Вы постучали в дверь?

— Постучал, но все эти идиоты с лестницы тут же тоже принялись стучать, полагая, что это игра и...

— И всего лишь ссора влюбленных, — добавляет полицейский с невозмутимым выражением лица.

Надо признаться, я заранее продумал каждое свое слово, но совсем другое дело — сказать нужные слова.

— Они подняли вокруг меня такой тарарам, что, даже если бы она кричала изнутри, я бы не услышал.

— И тогда вы решили пробраться в спальню с другой стороны.

С меня градом катится пот. Дурное самочувствие усиливается с каждой секундой.

— Я вышел во двор и влез в ванную комнату через оконную фрамугу.

Видя, что я застыл на месте, полицейский мягко отстраняет меня рукой и переступает порог. Он проходит через спальню, поворачивает направо, чтобы попасть в ванную, затем исчезает из вида. До меня доносится его голос:

— Та самая фрамуга?

— Другой нет.

Прислоняюсь лбом к дверной коробке и буквально обливаюсь потом. Снова голос полицейского:

— Зачем вам понадобилась эта спешная акробатика? Ведь вы могли сломать себе шею. Может, ей просто хоте-



лось побыть одной, подуться какое-то время. Она намекала вам на самоубийство?

— Нет.

Слышу, как он открывает фрамугу, взбирается к приоткрытой щели в окне, затем спускается вниз.

— Но ведь вы понимали, что она может попытаться наложить на себя руки, учитывая ее взвинченное состояние из-за вашей ссоры? Плюс наркотик и наверняка выпитый алкоголь.

— Понимал.

Он раздвигает двери встроенных шкафов.

— Однако вам понадобилось почти сорок минут, прежде чем вы начали беспокоиться о ней?

Будто подстегнутый этим несправедливым упреком и всем, что скрывалось за ним, а также из-за вновь обострившегося чувства вины, которое никуда не исчезало, я делаю несколько шагов, все еще отделяющих меня от ванной, и вхожу туда. И снова, уже третья, вспышка в памяти, подобная багряному зареву; на сей раз к картинке и звукам добавляются запахи. Это душливый запах разбрызганной повсюду крови. Она на стенах, ванне, мраморной раковине и даже матовом стекле фрамуги. Видимо, перед тем, как повеситься, она в припадке безумия резала бритвой руки, лодыжки, живот, грудь.

Я еле успеваю добежать до туалета, прежде чем меня стошнило.

Часа два спустя, примерно в половине первого, я стою у входа в банк на Чарльз-II-стрит. Это отсюда вчера и все утро сегодня звонили клерки юридического отдела. Я вхожу в вестибюль, но в самый последний момент разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Когда я пересекаю Сент-Джеймскую площадь, вновь моросит холодный дождь, который сопровождает меня на всем пути по Пэлл-Мэлл и в Гринпарке. Он прекращается на какое-то время на площади Гайд-Парк-Корнер, но вновь нагоняет меня, когда я выхожу

на станции метро «Найтсбридж», чтобы взглянуть на план города. Я не ошибся, это прямо по Бромптон-роуд, затем еще около трех миль по Олд-Бромптон-роуд.

Несмотря на усталость и дождь, который льет как из ведра, ходьба пошла мне на пользу. Тошнота прошла. Более того, в эти минуты на меня нахлынула какая-то необъяснимая и одновременно необычайно сильная волна; еще миг назад я был на пределе сил, раздавлен, побежден и вдруг чувствую себя нырнувшим в воду пловцом, который, оттолкнувшись от дна, всплывает на поверхность с непонятно откуда взявшейся дикой силой. Это глубоко внутри меня, некая ярость, даже буйное веселье, непреодолимое чувство собственной неуязвимости. Ничего общего с моим возрастом, с двадцать одним годом двумя месяцами и двумя неделями, это нечто более мощное и постоянное. Это новое, родившееся во мне ощущение не покидает меня весь день, оно будет возвращаться спустя время, в последующие месяцы и годы. А сейчас даже моя походка становится другой: несмотря на дождь и сорок часов без сна, я будто парю в воздухе, двигаясь своим танцующим шагом, и даже дышится мне легче обычного.

Я танцую, и мой танец в полной мере соответствует моей фамилии.

Я пришел на Бромптонское кладбище чуть раньше трех часов. Ее семья, сбившаяся в плотную группу под черными зонтами, уже на месте. Я не осмеливаюсь подойти к ним и прячусь как могу под каким-то навесом на столбиках склепа. Я весь промок и продрог до костей. Мое убежище примерно в ста метрах от могилы, и мне хорошо видно, как привозят гроб и опускают его в яму. После этого начинается неторопливая церемония прощания. Проходит около двадцати минут, прежде чем толпа родственников и друзей расходится. Я жду, когда опустеет аллея, чтобы наконец подойти к месту захоронения.

Я стою у могилы не более двух-трех минут. По-прежнему льет дождь. На душе скверно и больно, но неожидан-

но вновь накатывает волна ярости, почти упоения, которая посетила меня какое-то время назад на Олд-Бромптон-роуд, и еще много раз потом я буду испытывать это ощущение.

В нескольких метрах впереди меня пожилой мужчина выходит за ворота кладбища и собирается сесть за руль «воксхолла». Подхожу к нему:

— Я живу в районе Сент-Джеймского парка. Вы не могли бы меня подбросить?

Вначале он отрицательно качает головой, но затем переводит взгляд на только что покинутое кладбище. После этого он пристально смотрит на меня, оценивая мой столь промокший вид, что он не заметил бы и слез на лице.

— Кто-то из вашей семьи?

— Знакомая девушка.

— Сколько ей было?

— Девятнадцать. Ей исполнилось бы девятнадцать лет через три недели.

Он кивает головой.

— У меня здесь жена.

Он принимает решение и открывает дверь автомобиля.

— Вы сказали «Сент-Джеймский парк»?

Он высаживает меня у часовни гвардейцев, и, хотя за время пути нами не было произнесено ни слова, на прощание мы обмениваемся рукопожатием, словно нас связало тайное взаимопонимание. Дом на Олд-Квин-стрит пуст, с пола гостиных убрали ковровое покрытие, и сейчас здесь стоит необычайно мрачный гул. На воощеном дубовом паркете белеет конверт. Его просунули через специальную щель в выкрашенной в кроваво-красный цвет двери. В нем записка из нескольких слов на немецком языке, из которых следует, что меня ждут в ресторане отеля Dorchester с поручением от Мартина Яла и моего дяди Джанкарло. Фамилия пригласившего меня человека Морф.

— Я Альфред Морф, приехал из Цюриха.

Он чуть выше меня, что ничуть не странно, учитывая мой рост, который никак не назовешь гигантским; у него

острый подбородок, слегка раскосые глаза, выпирающие скулы и щеки, запавшие так глубоко, что он мог бы посоревноваться со скелетом. Он окидывает меня с ног до головы оценивающим взглядом. Да, я действительно совершенно мокрый: чтобы добраться до отеля Dorchester на Парк-Лейн, я второй раз за день пешком пересек Сент-Джеймский парк и Грин-парк; теперь, когда я буду проходить мимо Букингемского дворца, гвардейцы точно не спустят с меня глаз.

— Вы промокли, — говорит Морф, поджав губы.

— Так вы, ко всему, еще и наблюдательны? Это пот.

Под ошеломленным взглядом официанта опускаюсь в кресло. Вскоре вокруг меня образуется мокрое пятно, а от моей одежды поднимается пар, как от быка, которого только что загнали в хлев. С улыбкой поворачиваюсь к официанту:

— Не обращайтесь внимания, любезный: другие тоже на подходе, я обогнал их еще в Ирландии. Принесите-ка мне шампанского, и поживей!

Смотрю на Морфа. Чтобы невзлюбить этого типа, много не надо. И я уже начинаю испытывать к нему неприязнь.

— Я, — обращается он ко мне, — уполномоченный представитель банка Мартина Яла со штаб-квартирами в Цюрихе и Женеве. Ваш дядя — один из наших главных клиентов. Он поручил мне урегулировать ваши проблемы.

— Мой дядя — мошенник.

Мокрое пятно у моих ног увеличивается, расплывается и вот-вот, как прилив, охватит туфли «Шарль Журдан» на ногах зрелой дамы в норковом манто. Я любезно улыбаюсь ей, хотя она буквально испепеляет меня взглядом. Морф продолжает:

— Президент нашего банка господин Мартин Ял...

Я все еще улыбаюсь даме:

— Еще один мошенник, и похлеще, чем первый. И это далеко не самое плохое, что о нем можно сказать...

— Какой стыд, — возмущается дама в норковом манто.